

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Word order and scrambling / Ed. by S. Karimi. Oxford: Blackwell, 2003. 385 p.

Принцип зависимости правил от структуры составляющих – один из основополагающих в порождающей грамматике и близких к ней формальных теориях. Эвристическая ценность и объяснительные возможности этого принципа были продемонстрированы первоначально на материале английского и других германских и романских языков. В этих языках иерархическая структура предложения может быть выявлена с помощью сравнительно простых аналитических методов. Однако уже с 1960-х гг. порождающая грамматика столкнулась с необходимостью учитывать материал языков со свободным порядком слов, в которых выделение многоуровневой иерархии составляющих затруднено. Например, в японском языке не очевидно выделение такого важного структурного компонента предложения, как глагольная группа: в отличие от английского языка, как подлежащее, так и дополнение могут непосредственно примыкать к глаголу: *Taroo-ga pizza-o tabeta* или *Piza-o Taroo-ga tabeta* ‘Таро съел пиццу’; даже в германских языках внутри самой глагольной группы возможен различный порядок членов предложения: ср. в голландском *dat Jan langzam het boek las* букв. ‘что Ян медленно (артикл) книгу читал’ и *dat Jan het boek langzam las* ‘что Ян (артикл) книгу медленно читал’; в русском языке порядок слов отличается еще большей свободой, чем в японском и голландском, и т. д.

В порождающей грамматике считается, что, например, в английском языке подлежащее обладает рядом приоритетных свойств (позиция относительно финитного глагола, именительный падеж, согласование со сказуемым, контроль рефлексивов, способность к отпуску “плавающих кванторов”, отражение в tag questions и др.) вследствие своего особого места в синтаксической структуре – оно является той единственной именной группой, которая выступает непосредственной составляю-

щей предложения. Такого рода свойства подлежащего обнаруживаются не только в языках с жестким порядком слов – например, в латинском или русском языках также наблюдаются сходные признаки. Однако свободный порядок слов в латинском и русском не дает возможности, в отличие от английского, столь же наглядно показать, что особая роль подлежащего предопределена структурой составляющих. Этот факт привел многих лингвистов, особенно типологов, скептически относящихся к порождающей грамматике, к выводу о том, что принцип зависимости правил от структуры по меньшей мере не универсален. Но большая часть генеративистов после некоторых колебаний (гипотеза о “неконфигурационных” языках, или языках с “плоской структурой”, см. [Hale 1980; 1983; Farmer 1980; Kiss 1994]) решилась защищать универсальность этого принципа, отказ от которого означал бы для них разрушение самих основ грамматики [Saito, Hoji 1983].

Первая из известных попыток решить проблему свободного порядка слов в генеративной традиции принадлежит Дж.Р. Россу [Ross 1967/1986]. Росс пришел к выводу, что это явление принципиально отлично от трансформаций “передвижения” вроде вынесения влево вопросительных групп или инверсии в английском языке, и предположил, что указанные выше (и многие другие) грамматические сходства между английским, латинским и русским языками объясняются сходством в структуре составляющих. Различия же возникают из-за того, что в латинском или в русском, но не в английском, после обычных синтаксических компонентов (базового и трансформационного) включается еще один “стилистический” компонент, который осуществляет “перемешивание” (scrambling) составляющих. Как и многие другие термины, предложенные Россом, термин “скрэмблинг” стал широко принятым, хотя и в ином значении – так стали называть не

грамматическое правило, а само явление свободного порядка слов.

С конца 1970-х гг. [Riemsdijk 1978; Naan 1979] свободный порядок слов чаще всего представляется результатом действия не специального компонента грамматики, как предлагал Росс, а обычного трансформационного компонента: “перемешивание” возникает в результате последовательного многократного применения трансформации передвижения. С тех пор внимание большинства исследователей занимало выяснение того, в какой из двух классов позиций – аргументную (A-position) или неаргументную (A'-position) происходит передвижение при скрэмблинге. Разграничение этих двух типов передвижения в зависимости от характера “конечной точки” (landing site) представляет собой один из наиболее важных результатов “теории принципов и параметров”, того варианта порождающей грамматики, который сложился в 1980-е гг. Аргументная позиция, в отличие от неаргументной, характеризуется присвоением падежа, например, номинатива, если это позиция подлежащего. Примерами A-передвижения могут служить пассив или подъем подлежащего, примером A'-передвижения – смещение влево вопросительных или относительных групп.

Исследователями было выявлено несколько диагностических признаков, противопоставляющих два типа передвижения. Важнейшие из них следующие: 1) “слабый переезд” (Weak Crossover) – связывание переменной, выраженной личным местоимением 3 лица, оператором, который “перезаезжает” влево через такое местоимение, возможно при A-передвижении (1), но невозможно при A'-передвижении (2): (1) *Who_i seems to his_j father [t_i to be happy?]* ‘Кто, кажется счастливым своему, отцу?’; где знаком *t_i* обозначен след, т. е. исходная позиция передвижения справа от личного местоимения; (2) **Who_i does it seem to his_j father [that John loves t_i?]* ‘Кого, как кажется его, отцу, Джон любит?’ 2) “Паразитический пробел” – мнимый след *e*, возникающий вместе с настоящим следом *t*, допускается только при A'-передвижении (3), но не при A-передвижении (4): (3) *What_i did you file t_i [without reading e_i]?* ‘Что ты сложил, не читая?’; (4) **Those stories_i seem to have been filed t_i [without reading e_i]* ‘Кажется, эти рассказы были сложены непрочитанными’. 3) Только при A'-передвижении возможна “реконструкция”, т. е. употребление местоимения в соответствии с его исходной, а не производной позицией, ср. *Своих_i друзей_j, что ли, он_k забыл?*, где рефлексивное местоимение оказывается в результате вопросительного A'-передвижения, вопреки обычному правилу, выше подлежащего, и пассивная конструкция ?? *Свои_i*

друзья были им_j, забыты, где при A-передвижении такое явление по крайней мере затруднено. 4) A-передвижение локально, т. е. ограничено пределами элементарного предложения (= клаузы), но A'-передвижение – нет, ср. *Вещи_i ему не разрешили [забрать t_i] и *Вещи_i ему не были разрешены [забрать t_i].*

Вскоре, однако, было обнаружено, что не все вариации порядка слов укладываются в один из двух типов: так, Г. Вебельхут установил, что в немецком языке одна и та же конструкция со смещением дополнения влево проявляет одновременно признаки и A-, и A'-передвижения [Webelhuth 1992].

В последние годы в анализе скрэмблинга приобрели популярность две теоретические идеи в духе разрабатываемой в последнее время “минималистской программы” Н. Хомского. Одно из принципиальных предположений этого теоретического проекта заключается в том, что не существует факультативных передвижений – любое из них принудительно мотивируется некоторым грамматическим признаком [Chomsky 1995]. Во-первых, некоторые виды A-скрэмблинга связывают с действием “принципа расширенной проекции” (Extended Projection Principle, сокращенно EPP), согласно которому предложение должно обладать подлежащим [Lavine 1998; Miyagawa 2001; Bailyn 2004]; во-вторых, предлагается считать, что A'-скрэмблинг мотивируется дискурсивными функциональными признаками, такими, как топик и фокус (≈ тема и рема) [Miyagawa 1997; Kiss 1998; Bailyn 2001]. Трудностью для такого подхода остается очевидная факультативность многих видов скрэмблинга.

Составителю сборника С. Карими удалось привлечь многих авторитетных специалистов, занимавшихся в последние годы проблемой скрэмблинга. В сборнике рассматриваются следующие основные вопросы: свободный порядок слов в связи с коммуникативными (discourse functional) факторами; связь скрэмблинга с признаком специфичности (= референтности); факультативность скрэмблинга; усвоение конструкций со свободным порядком слов при овладении родным или вторым языком; скрэмблинг в психолингвистических моделях синтаксического анализа (processing). Языковой материал сборника разнообразен: авторы анализируют порядок слов в языках индейцев Северной Америки, русском, голландском, хинди, персидском, венгерском, турецком, японском, тамильском. Сборник посвящен памяти одного из его авторов, выдающегося лингвиста Кеннета Хейла (1934–2001), соединявшего уникальный языковой кругозор с даром видеть теоретически значимые факты в “экзотическом”

материале, исследователя, открывшего новые направления в синтаксической типологии.

В статье “Позиции сфер топика и фокуса в языке навахо” К. Хейл, Э. Джелинек и М. Уилли доказывают, что один из наиболее хорошо изученных америндских языков – навахо атапаскской семьи реализует одновременно два важнейших типологических признака: он является одновременно языком с “местоименными аргументами” и “дискурсно-конфигурационным” языком. Идея местоименных аргументов, выдвинутая 20 лет назад одним из авторов статьи [Jelinek 1984], состоит в том, что в языках данного типа аргументные (=актантные) позиции при предикатных словах-вершинах заполняются не именными группами (=ИГ), а местоименными, обычно в форме аффиксов, как это имеет место в полисинтетическом языке навахо. Что касается полных ИГ, соответствующих аргументам предиката, они занимают позиции сфер действия операторов фокуса и топика, из которых они связывают местоименные аргументы-переменные. ИГ линейно упорядочены в соответствии с информационной (коммуникативной) структурой, а не в соответствии с грамматическими ролями подлежащего и дополнений; последнее и является определяющим признаком “дискурсно-конфигурационного” типа [Kiss 1995]. Информационная структура определяется не только контекстными признаками, но также универсальной иерархией одушевленности, впервые сформулированной К. Хейлом именно на материале навахо [Hale 1973]; местоименные префиксы, напротив, упорядочены в соответствии с грамматическими отношениями. Глагольная словформа интерпретируется как полное предложение, а местоименные префиксы – как его аргументы.

Авторы полагают, что грамматическая структура навахо непосредственно отражает принцип, согласно которому на уровне логической формы только неопределенные выражения остаются внутри глагольной группы (VP). Будучи всегда определенными, местоименные префиксы выдвигаются из VP, причем порядок префиксов отражает последовательность подъема местоимений, начиная от корня влево: сначала субъект, затем прямой объект, затем косвенный объект. Именная группа-оператор, в том числе свободное местоимение, связывает тот местоименный префикс, который совпадает с ней по признакам числа и лица; в случае нескольких аргументов 3 лица выбор местоименного аргумента определяется прямой или инверсивной формой глагола – эти формы указывают, какой из аргументов выступает в качестве топика – агенса (при прямой форме) или пациенса (при инверсивной): *ashkii tʃi yi-ztaʔ*

букв. “мальчик лошадь ее(прям.)-он.ударил” ‘Мальчик ударил ногой лошадь’ и *ashkii tʃiʃ bi-ztaʔ* букв. “мальчик лошадь его(инверс.)-она.ударила” ‘Лошадь ударила ногой мальчика’, где порядок ИГ остается неизменным в соответствии с иерархией одушевленности (люди всегда более “тематичны”, чем животные).

Авторы предлагают ряд аналитических решений и теоретических гипотез, причем некоторые из них на ограниченном пространстве статьи им не удается не только обосновать, но даже прокомментировать. Так, утверждается, что ИГ оказываются в позициях операторов топика и фокуса в результате передвижения, но ничего не сказано об исходных базовых позициях для такого передвижения. Предложенная авторами четырехуровневая грамматическая структура для предложения полисинтетического языка, состоящая из исходных (приглагольных) и производных (при функциональных вершинах) позиций для местоименных аффиксов, и сверх того еще из исходных и производных позиций для связывающих их ИГ, оказывается настолько “насыщенной”, что позволяет, на наш взгляд, слишком легко справляться с возникающими трудностями. Например, неопределенный артикль *léi* ‘возникает в позиции полной ИГ: *at' ééd léi' yicha* ‘Девочка НЕОПР Зед.кричит’, где, по мнению авторов, специфическая неопределенная интерпретация (‘[Некоторая] девочка кричит’) возникает у передвинутой копии ИГ, а неспецифическая (‘[Какая-нибудь, любая] девочка кричит’) у связываемой ею переменной, которая остается в “области неопределенности”. Поскольку исходные и конечные позиции передвижений относятся к частям структуры, которые получают различную логико-семантическую интерпретацию, возможность выбора начальной или конечной позиции как источника интерпретации делает утверждения авторов о связи референтного статуса и синтаксической структуры непроверяемыми. Можно заметить также, что предсказания относительно грамматической структуры языков с местоименными аргументами, которые выдвигаются Э. Джелинек в рецензируемой статье и в [Jelinek 1995], не подтверждаются на материале западнокавказских языков. Эти языки, с одной стороны, очевидно относятся к тому же типу, что полисинтетические языки с местоименными аргументами северо-западного побережья Америки (атапаскские, сапашские, вакашские), на материал которых опирается Э. Джелинек, а с другой стороны, обнаруживают такие якобы несовместимые с этим типом явления, как приименная квантификация (ср. в адыгейском местоимения *бэ* ‘много’, *пэчч* ‘каждый’ и др.), вложенные относительные клаузы, префикс косвенного

объекта, следующий за префиксом прямого, и нереперентный статус немаркированной формы имени.

В статье К. Киш “Скэрмблинг аргументов, передвижение оператора и передвижение топика в венгерском языке” предлагается модель венгерского предложения, основанная на иерархии фразовых категорий, в которой тематическая группа (TopP) включает группу дистрибутивного квантора (DistP), которая в свою очередь последовательно включает рематическую группу (FocP), аспектуальную группу (AspP) и глагольную группу (VP). Элементы, попадающие в тематическую группу, образуют тематическую зону (topic field), за которой следует предикативная часть: зона операторов (составляющие, предшествующие глаголу), а за глаголом – зона аргументов (argument field). В последней зоне, несмотря на применяемые автором самые эффективные и чувствительные аналитические тесты, не удается установить никакой грамматической иерархии между аргументами; поэтому “скэрмблинг” К. Киш называет неиерархизованное базовое порождение аргументов в случайном порядке в виде плоской структуры. Составляющие могут затем передвигаться из глагольной группы в различные позиции зоны операторов. Например, подлежащее может оказаться в позиции контрастивной ремы, причем глагол, соединяясь с нулевой функциональной рематической вершиной, “переезжает” через префикс-аспектуализатор: *Tegnap* [_{AspP}fel-hívta]_{[VP]i} Péter Marii]] ‘Вчера позвонил Петер Марии’ – [_{FP}Péter_i hívta_j]_{[AspP]fel} t_j t_i Marii]] ‘Это Петер позвонил Марии’. Тематическая зона отделяется от предикативной части сентенциальными обстоятельствами типа *valószínűleg* ‘возможно’ и фразовым акцентом, падающим на первый компонент предикативной части. Возможно выдвигание нескольких тем, в отличие от ремы, которая допускает только однократное выдвигание. Поскольку при множественной тематизации сохраняется единая связь, соединяющая тему с предикативной частью, К. Киш предлагает помещать в позицию спецификатора тематической группы одновременно все темы: [_{TopP}Marit János]_{[AspP]fel-hívta telefonon]] ‘Марии Янош позвонил’ или точнее: ‘Что касается Марии и Яноша, он позвонил ей’, – решение, с трудом укладывающееся в обычные представления о структуре фразовых категорий. К тому же, как отмечает и сам автор, такая гипотеза несовместима с постулатом о жесткой связи передвижения с проверкой признаков: если признак тематической вершины проверен на одной составляющей, устраняется мотив для дальнейших передвижений в ту же позицию. К. Киш выдвигает гипотезу, что передвижение темы}

представляет собой универсальное явление, даже в английском языке, судя по позиции определенных и неопределенных ИГ относительно сентенциальных обстоятельств, оно имеет место, ср. *The inspector to my great surprise appeared at the door* ‘Инспектор, к моему большому удивлению, оказался в дверях’ и ?? *Policemen to my great surprise appeared at the door* ‘К моему большому удивлению, в дверях оказались полицейские’.

Итак, после проделанной К. Киш многолетней тщательной работы по выявлению иерархической структуры венгерского предложения она получила результат, который не может не наводить на определенные размышления. Перед нами по сути вполне традиционная, хотя и полученная с применением самых современных аналитических методов, схема в терминах линейных позиций и заполняющих их членов предложения, которая сохраняет чисто формальную связь с принятыми в порождающей грамматике представлениями об устройстве составляющих. Единственной лексически охарактеризованной вершиной остается глагол, задающий глагольную группу. Все остальные вершины, кроме факультативной частицы *is* ‘тоже’, возглавляющей DistP, – абстрактные, не имеющие означаемого и не вступающие в отношение лексической селекции, проявляя себя только наличием спецификаторов – фразовых категорий с определенной семантикой (тема, рема, дистрибутивность...). Такие допущения автора, как плоская структура аргументной зоны, дополнительное распределение префикс-аспектуализатора (вершины) и именного аспектуализатора (фразовой категории) или заполнение одной позиции тематической зоны несколькими составляющими одновременно, можно примирить с принятыми в порождающей грамматике представлениями о структуре фразовых категорий только с помощью такого широкого истолкования, которое делает их непроверяемыми.

М. Миясита, Р. Димерс и Д. Оргис в статье “Грамматические отношения в языке оодхам: инструментальные данные” на материале одного из языков юто-ацтекской семьи характеризуют местоименные аргументы как дискурсивные переменные, а полные ИГ-адъюнкты – как связывающие их операторы. Оодхам относится к тому типу языков, в котором при наличии подлежащего и дополнения в 3 л. грамматика не располагает никакими средствами их различения (вопреки известному мнению Э. Сепира [Сепир 1934: 73], который полагал, что таких языков быть не может), и, кажется, этот тип не так редок, как полагают авторы статьи (с. 48). Данные, полученные путем фонетического эксперимента, показывают, что просодичес-

кие признаки, вопреки ожиданию, не используются для разрешения двусмысленности: “кто кого убивает”, устанавливается в основном по контексту. Оодхам предстает дискурсно-конфигурационным языком с “плоской” аргументной структурой. Основной недостаток статьи – полное игнорирование работы по языку оодхам Д. Пейн, которая на 10 лет раньше занималась той же проблемой и пришла содержательно к точно такому же выводу в рамках функционалистского подхода [Raupе 1992].

В статье В. Даял “Неоформленные имена: неспецифические и контрастные прочтения при скрэблинге” на материале хинди показывается несостоятельность обобщения, согласно которому скрэблинг применим только к специфическим выражениям или имеет результатом утерю неспецифического статуса. Вовпервых, скрэблинг неспецифических ИГ возможен при их контрастном выделении. Воввторых, ограничение на передвижение, связанное с неспецифичностью, относится только к левостороннему скрэблингу. Таким образом, полученный автором материал свидетельствует против гипотезы о существовании разных частей (domains) синтаксической структуры, способных и неспособных включать в себя неспецифические выражения.

С. Карими в статье “О позициях дополнений, специфичности и скрэблинге в персидском языке” исследует синтаксические, семантические и морфологические различия специфических и неспецифических прямых дополнений. Позиции для специфического дополнения в персидском языке более разнообразны, а неспецифическое почти всегда непосредственно предшествует глаголу. В генеративной традиции такие факты обычно анализируются как порождение в базе прямого дополнения рядом с глаголом, после чего специфическое дополнение может передвигаться в более высокую позицию. Автор высказывает гипотезу о существовании в языках данного типа двух базовых позиций для дополнений в глагольной группе. Третья, производная, позиция для дополнения создается в результате применения скрэблинга – это позиция спецификатора при функциональной вершине с “дискурсным”, т.е. коммуникативным, значением. Свою гипотезу о двух базовых позициях для дополнения автор сопровождает объяснением того факта, что они не могут быть заполнены одновременно: “только одно из двух дополнений может быть проверено на аккузативный падеж, а падежный признак другого остался бы непроверенным, что привело бы деривацию к неудаче (crash)” (с. 122). Допустим, автору удалось бы показать, что и неспецифическое прямое дополнение, которое в персидском не

оформляется аккузативным показателем *-râ*, сохраняет морфологический признак аккузативного падежа; но даже и в таком случае предложенный в статье аналитический прием позволяет слишком дешевой ценой устранять трудности в анализе конструкций, различающихся формой или позицией одного из актантов.

В статье “Скрэблинг, суб-скрэблинг и падеж в турецком языке” Дж. Корнфилт, развивая теорию абстрактного падежа, рассматривает случаи суб-скрэблинга – этим термином автор называет скрэблинг с пересечением границы неспецифической ИГ: *Dün sokakta [иґ с; bir adam] gördüm çok yaşlı*, букв. ‘Вчера на улице одного человека увидел-я очень старого’. Неспецифические аргументы в структурных падежах (номинативе и аккузативе) не принимают падежных окончаний ни в финитных, ни в номинализованных конструкциях, не могут подвергаться скрэблингу, но зато допускают скрэблинг своих составляющих; остальные аргументы принимают противоположные значения всех указанных признаков. Рассматривая “ограничение на специфичность” (Specificity Constraint), запрещающее пересекать границу специфической ИГ (ср. англ. *Who did you see pictures of?* ‘Чьи картины ты видел?’ vs. **Who did you see the picture of?* ‘Чью картину ты видел?’), Дж. Корнфилт предполагает, что его действие усиливается в турецком языке инкорпорацией, понимаемой в соответствии с теорией М. Бейкера [Baker 1988] как соединения двух ближайших вершин – глагола и существительного, возглавляющего ИГ его дополнения или подлежащего.

Статья Дж. Бейлина “Существует ли скрэблинг в русском языке?” стремится охватить большую часть фактов свободного порядка слов в русском языке, постулируя базовый порядок SVO и два различных процесса перестановки составляющих: обобщенная инверсия и дислокация. Оба процесса известны по другим языкам, и, таким образом, русский материал хорошо укладывается в типологию, задаваемую разными значениями грамматических параметров. Инверсия в русском языке является А-передвижением и относится к тому же типу, что английская локативная (*Into the room came a man* ‘В комнату вошел человек’) или цитатная (*‘Yes!’ said John* ‘Да, – сказал Джон’) инверсия и состоит в выдвигении некоторой фразовой категории в позицию спецификатора IP перед финитным глаголом (в позиции I), причем она получает часть признаков подлежащего, а подлежащее в номинативе остается справа от глагола: *Эту книгу читает Иван, В классе появился новенький, У меня есть вопрос, Саице нравятся дети*. К числу таких признаков Дж. Бейлин относит отсутствие ожидаемых

грамматических ограничений на анафору, а именно: контроль рефлексивов, ср. ?? *Своя_i работа нравится Маше_i, и Маше_i нравится своя_i работа*; контроль личных местоимений 3 л. со стороны подлежащего, который “улучшает” инверсия, ср. **Старший брат_i появился в его_i доме и ?В его_i доме появился старший брат_i*, (другие примеры на это явление, к сожалению, столь же сомнительны – если и есть различие в приемлемости, то очень слабое); невозможность личного местоимения в качестве антецедента полной ИГ, ср. *Знакомые Ивана_i были у него_i, и *У него_i были знакомые Ивана_i*. По Дж. Бейлину, побудительный мотив инверсии в русском языке, как и сходных видов инверсии в других языках – принцип расширенной проекции, который удовлетворяется, в отличие, например, от английского языка, не только передвижением ИГ-подлежащего в номинативе или предложной группы с локативным значением, но передвижением любого аргумента в позицию спецификатора IP.

В отличие от инверсии, дислокация в русском языке представляет собой, несомненно, передвижение в неаргументную позицию. Она подчиняется тем же ограничениям, что и передвижение вопросительных групп – так, выдвижение из конъюнктивного придаточного с союзом *чтобы* допускается для дополнений (*Кому ты хотел, чтобы она позвонила?*; *Борису я хотел, чтобы она позвонила*), но не для подлежащих (**Кто ты хотел, чтобы позвонил ей?*; **Борис я хотел, чтобы позвонил ей*). Автор убедительно показывает, что дислокация, в отличие от инверсии, не “улучшает” нарушений в употреблении анафорических местоимений, хотя приведенное им на с. 168 противопоставление по приемлемости *Его_i друзей любит Иван_i*, (инверсия) vs. ?? *Его_i друзей Иван_i любит* (дислокация) вряд ли имеет место. Предположение Дж. Бейлина на с. 175, что первое предложение отвергается только теми информантами, кто вообще не признает катафору (backward pronominalization), по-видимому, основано на недоразумении (вообще катафора достаточно распространенное явление в русской речи – и устной, и письменной).

Вслед за рядом других авторов, которые развивают в рамках формальной грамматики представления о структуре предложения, восходящие к пражской школе функционализма, Дж. Бейлин предполагает, что дислокация в русском языке не факультативна, но в явном виде представляет действие универсального “информационного” компонента грамматики, действие которого в языках с жестким порядком слов остается скрытым. Языки, выражающие неконтрастивную ремю (Information Focus) на достаточно ранней ступени синтаксической

деривации, используют для этого А'-передвижение, которое отделяет тему от ремы, вынося ее влево.

Трактовка автором явления дислокации выглядит интересно и перспективно, однако множество признаков инверсии нуждается в уточнении. Аргументы в пользу привилегированного статуса выдвигаемого аргумента могут быть оспорены: например, катафора местоимений бывает затруднена и при отсутствии инверсии: **Вчера приходили к нему_i знакомые Ивана_i*. Автор не пишет о других функциональных признаках подлежащего, которые, вопреки ожиданию, инвертированным группам не свойственны, например, контроль деепричастий (**Эту кошку, царапаясь, засунули в сумку*; **У меня, вытис, заболела голова*). Дативный субъект, как известно, обнаруживает существенно больше приоритетных признаков, чем другие “подлежащеподобные” группы [Падучева 1983; Бонч-Осмоловская 2003], но неясно, как найти место этому факту в рамках предположения Дж. Бейлино теории, так как дативный субъект занимает ту же позицию SpecIP, что и другие подвергшиеся инверсии аргументы.

В статье С. Миягава “Скрэмблинг в аргументную позицию и варианты без факультативности” в духе последних версий порождающей грамматики отвергается идея факультативного скрэмблинга: если составляющая подвергается передвижению, то только потому что все другие варианты деривации запрещены. Выбор между вариантами порядка слов SOV и OSV в японском не факультативен, а продиктован требованием принципа расширенной проекции; как и у Дж. Бейлина, этот принцип понимается таким образом, что удовлетворять его требование может не только подлежащее, но и дополнение. Неконфигурационные языки в понимании К. Хейла возникают, по предположению автора, в том случае, когда функциональная вершина T (Tense) задает морфологически выраженный падеж у подлежащего или дополнения.

Статья Х. де Хооп “Скрэмблинг в голландском языке: факультативность и оптимальность” посвящена анализу перемещения дополнений со значением определенности в голландском языке с использованием объяснительного аппарата теории оптимальности, т. е. иерархии принципов, каждый из которых может быть нарушен, а приемлемость конструкции зависит от оценки суммы нарушений. Такими принципами выступают скрэмблинг анафорических элементов и определенных ИГ, им противоречит принцип запрета на скрэмблинг. В статье А. Махаджана “Порядок слов и (остаточное) передвижение глагольной группы” в духе гипо-

тезы “антисимметрии” Р. Кейна [Кауне 1994] на материале английского языка и хинди предполагает альтернативу обычной трактовке явления передвижения вершин.

В сборник включены также статьи, посвященные психолингвистическим проблемам скрэмблинга: В. Сарма “Неканонический порядок слов: тема и рема в тамильском языке в речи взрослых и детей”, Н. Ивасаки “Усвоение японского как второго языка: знание и использование падежных показателей в предложениях с порядками слов SOV и OSV”, И.А. Секериной “Скрэмблинг и синтаксический анализ: зависимости, сложность и ограничения” и А. Фридрици, М. Шлезевски и Х. Фибаха “Передвижение вопросительных групп vs. скрэмблинг: различие, существенное для мозга”.

Можно заключить, что сборник “Порядок слов и скрэмблинг” вносит много нового и полезного в изучение явления свободного порядка слов. Авторы приходят к согласию во многих важных моментах: так, в нескольких статьях А-передвижение при скрэмблинге объясняется действием принципа расширенной проекции; используется теория местоименных аргументов Э. Джелинек; доказывается в духе минималистского синтаксиса иллюзорность факультативных передвижений; принимается идея дискурсно-конфигурационных языков.

Авторы сборника отрицательно относятся к возможности неконфигурационной, или “плоской”, трактовки синтаксической структуры языков со свободным порядком слов. Вывод о наличии структурной асимметрии делается на основании поведения операторов и анафорических местоимений, притом что приводимые факты очевидным образом указывают только на асимметрию линейного порядка – например, если допускается лишь предшествование оператора его сфере действия или антецедента местоимению. Возражение, что в языках линейный приоритет всегда выступает как проявление структурного приоритета, есть ссылка именно на тот принцип, который в данном случае подлежит доказательству – принцип универсальности асимметричной структуры. Нерешенной остается и проблема разграничения А- и А'-передвижений. При широком понимании принципа расширенной проекции, когда в позиции подлежащего может оказаться и ИГ-дополнение, морфологический критерий не работает, и единственным способом различить два вида передвижения остаются мало эффективные и нередко противоречащие друг другу тесты на их различие: оценка информантами “слабого переезда” во многих языках нечетка и очевидно зависит от контекстных неграмматических факторов; паразитический пробел трудно обнаружить в языках с разви-

тым эллипсисом и опущением неэмфатических местоимений; “улучшение” конструкций с анафорой в результате перестановки составляющих может быть объяснено линейной асимметрией, без привлечения иерархической доминанции, см. выше. В большинстве статей сборника мы обнаруживаем, вне всякого сомнения, полезную классификацию теоретически значимых фактов скрэмблинга, которые непременно будут приняты во внимание будущими исследователями. Однако предлагаемые авторами теоретические решения не во всех случаях выглядят убедительными и эмпирически проверяемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бонч-Осмоловская 2003 – А.А. Бонч-Осмоловская. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дисс... канд. филол. наук. МГУ. 2003.
- Падучева 1983 – Е.В. Падучева. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика 21. 1983.
- Сепир 1934 – Э. Сепир. Язык. М., 1934.
- Bailyn 2001 – J.F. Bailyn. On scrambling: a reply to Bošković and Takahashi // Linguistic inquiry 32. № 4. 2001.
- Bailyn 2004 – J.F. Bailyn. Generalized inversion // Natural language and linguistic theory. V. 22. № 1. 2004.
- Baker 1988 – M.C. Baker. Incorporation: a theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.
- Chomsky 1995 – N. Chomsky. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.
- Farmer 1980 – A. Farmer. On the interaction of morphology and syntax. PhD dissertation. 1980.
- Haan 1979 – G. de Haan. Conditions on rules. Dordrecht, 1979.
- Hale 1973 – K.L. Hale. A note on subject-object inversion in Navaho // Issues in linguistics. 1973.
- Hale 1980 – K.L. Hale. Remarks on Japanese phrase structure: Comments on the papers on Japanese syntax // Theoretical issues in Japanese linguistics. MIT working papers in linguistics. 1980.
- Hale 1983 – K.L. Hale. Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // Natural language and linguistic theory. V. 1. № 1. 1983.
- Jelinek 1984 – E. Jelinek. Empty categories, case and configurationality // Natural language and grammatical theory 2. № 1. 1984.
- Jelinek 1995 – E. Jelinek. Quantification in Strait Salish // Quantification in natural languages. Dordrecht, 1995.
- Kayne 1994 – R. Kayne. The antisymmetry of syntax. Cambridge (Mass.), 1994.

- Kiss 1994 – *É.K. Kiss*. Scrambling as the base generation of random complement order // *Studies in scrambling*. B. 1994.
- Kiss 1995 – *É.K. Kiss*. Introduction // *Discourse configurational languages*. Oxford, 1995.
- Kiss 1998 – *É.K. Kiss*. Identificational focus versus information focus // *Language*. V. 74. № 2. 1998.
- Lavine 1998 – *J. Lavine*. The syntax of feature-checking, focus structure, and sentential stress. Annual conference of the American association of teachers of Slavic and East European languages. San Francisco, 1998.
- Miyagawa 1997 – *S. Miyagawa*. Against optional scrambling // *Linguistic inquiry*. V. 28. № 1. 1997.
- Miyagawa 2001 – *S. Miyagawa*. The EPP, scrambling, and WH-in-situ // *Ken Hale: a life in language*. Cambridge (Mass.), 2001.
- Payne 1992 – *D. Payne*. Nonidentifiable information and pragmatic order rules in 'O'odham // *Pragmatics of word order flexibility*. Amsterdam, 1992.
- Riemsdijk 1978 – *H. van Riemsdijk*. A case study in syntactic markedness. Dordrecht, 1978.
- Ross 1967 – *J.R. Ross*. Constraints on variables in syntax: PhD dissertation. MIT, 1967 [*J.R. Ross*. *Infinite syntax!* New York, 1986].
- Saito, Hoji 1983 – *M. Saito, H. Hoji*. Weak crossover and move α in Japanese // *Natural language and linguistic theory*. 1. 1983.
- Webelhuth 1992 – *G. Webelhuth*. Principles and parameters of syntactic saturation. Oxford, 1992.

Я.Г. Тестелец